
ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

УДК 336.71

ДИСПРОПОРЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ: ВИНОВАТ ЛИ БАНКОВСКИЙ СЕКТОР?

В.З. Баликов

Новосибирский государственный
архитектурно-строительный университет (Сибстрин)
E-mail: Balikoev1941@yandex.ru

Рассматриваются специфические особенности развития банковского капитала в России и порождаемые ими социальные и экономические противоречия. Подчеркивается, что эти особенности являются результатом транзитивности российской экономики и носят переходный характер.

Ключевые слова: империализм, финансовый капитал, переходность, неустойчивость, общие и специальные интересы, политические и экономические инвестиции, противоречия развития банковского капитала, финансовые кризисы.

IMBALANCES OF ECONOMIC GROWTH OF RUSSIA: BANKING SECTOR TO BLAME?

B.Z. Balikoev

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)
E-mail: Balikoev1941@yandex.ru

Specific features of the development of banking capital in Russia and generated social and economic contradictions are considered. It is underlined that these features are the result of transitivity of the Russian economy and are of transient behavior.

Key words: imperialism, financial capital, transitivity, instability, general and specific interests, political and economic investments, contradictions of banking capital development, financial crises.

Экономика России переходна и она отвечает всем характеристикам переходности: неустойчивость, историчность, специфичность, инерционность, альтернативность и т.д. Неустойчивость – вот главная характеристика переходных систем. Главная потому, что в таких системах господствуют переходные производственные (экономические) отношения. Существенное методологическое значение имеет то положение, что сами переходные формы потому переходны, что не являются и не могут быть конечной целью развития. Они всегда были, есть и будут средствами достижения основной, главной цели, а потому занимают промежуточное положение

между законченными системами. Именно поэтому переходные формы экономических отношений в своей диалектике выражают взаимосвязь, противоречивость, скачкообразность развития – но развития.

Неустойчивость современной переходной экономики России определяется постоянным поиском новых экономических форм, более эффективных, более динамичных. Здесь любые отношения быстрее развиваются, проявляют свою противоречивость, быстрее исчерпывают свой движущий потенциал. Одни формы трансформируются в другие, одно противоречие, будучи разрешенным, сменяется другим. Но именно такова диалектика переходных систем.

Единственно чего нет и не может быть в переходной системе – это врата к прошлому. Итогом переходной экономики может быть что-то новое, более передовое. «Система не помнит своего прошлого» (Н. Моисеев).

К сожалению, это свойство переходной системы переходит в сознание людей – носителей переходных экономических отношений. Происходит не просто переоценка исторического и экономического прошлого, но и их отвержение. Между тем в истории ничего случайного нет. Случайное, на первый взгляд, оказывается глубоко исторически закономерным. Герои и теории прошлого также подвергаются переоценке, так как появляются новые. Исторические aberrации – близости и дальности – сплошь господствуют в общественном сознании.

Так, например, сегодня в среде экономистов, социологов, политологов мало кто употребляет термин «империализм» несмотря на то, что ни он, ни его общеизвестные признаки никуда не делись. Наоборот, одни из них стали еще более отчетливо проявляться, притом так рельефно, что кому-то доказывать их наличие нет никакой необходимости. Такие, как концентрация капитала и централизация производства во всех их формах, господство финансового капитала, превалирование вывоза капиталов над вывозом товаров. И как не называй современную экономическую систему – индустриальной, информационной... – признаки империализма в ней сидят настолько крепко, что они за более чем сто лет превратились в ее имманентные черты. Иначе говоря, во внутренне ей свойственные характеристики.

Другие его признаки трансформировались в связи с историческими изменениями, произошедшими на планете за почти 100 лет после выхода в свет книги В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Это экономический и территориальный раздел мира между великими державами. Да, действительно, исчезла с исторической сцены колониальная система империализма как высшая форма политического господства великих держав, но исчезло ли экономическое их господство? Или оно стало более глубоким, разнообразным и изощренным, чем ранее? На этот вопрос автор данной работы уверенно дает в некоторой степени категоричный, но отрицательный ответ. Нет, не исчезли.

Наиболее очевидным доказательством в этом аспекте является усилившееся во всем мире господство финансового капитала. Оно не только разнообразно по видам, формам и направлениям экономической деятельности, но и постоянно усугубляется и расширяется. В связи с тем, что данная проблема не так хорошо известна новому поколению экономистов, напомним читателю лишь историю возникновения и содержания второго признака

империализма – образование и господство финансового капитала и финансовой олигархии. Тем более, что для реформируемой России этот вопрос имеет принципиальное значение.

Что же касается возможного вопроса или сомнения – имеет ли смысл вспоминать забытого автора забытой теории, ответу. Работа В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» является уникальной по глубине и широте анализа современного ему капитализма и была признана в буквальном смысле слова пионерной всеми экономическими школами Европы и Америки. За исключением идеологических и политических выводов, которые сделал автор в этой работе. Да, в России забыли и автора и его работу. Как всегда, у нас шарахнулись из одной крайности в другую – от обожествления образа В.И. Ленина до полного его забвения. Однако его работа «Империализм как высшая стадия капитализма» актуальна сегодня как никогда, особенно в России. Ведь именно в России происходят те процессы формирования финансового капитала и финансовой олигархии, которые так талантливо описал В.И. Ленин. Но названные процессы идут с такой спецификой и особенностями по сравнению с теми, что происходили сто лет назад в Европе и Америке, и, конечно в совершенно других экономических и исторических условиях, что их исследование – дело не одного автора или авторского коллектива.

Итак, традиционными функциями банков в экономике всегда были исполнение платежей, сбор и аккумуляция свободных денежных средств в экономике, создание и обслуживание механизма кредитования. После второй промышленной революции в 60–70-е годы XIX века концентрация и централизация промышленного капитала пошла стремительными темпами. Появились гигантские по тем временам предприятия, которые вскоре превратились в монополии. Крупные промышленные монополии, естественно, нуждались в крупных и долгосрочных кредитах. Банки того времени относительно промышленных монополий мелкие, не могли справиться с такой задачей. Сложившаяся экономическая ситуация подтолкнула банки к объединению, концентрации и централизации банковского капитала. В итоге появились банковские монополии. Последние представляют собой объединение банков или банки-гиганты, господствующие в банковской сфере и присваивающие монопольно высокую прибыль.

Здесь необходимо подчеркнуть одну очень важную и бесспорную мысль: возникновение банковских монополий явилось объективно обусловленным результатом высокой степени концентрации и централизации промышленного капитала. Иначе говоря, реальной материальной основой монополизации банковского капитала служит концентрация и монополизация промышленного производства. Будучи в известной степени самостоятельной формой развития капитала, закономерности возникновения банковского капитала определяются диалектикой промышленного производства или как модно говорить и писать сегодня – реального сектора. Иначе говоря, функцией банковского капитала исторически является обслуживание промышленного капитала. «Промышленный капитал есть единственный способ существования капитала... Все другие формы капитала, из которых здесь ограничимся главной – ссудным или денежным капиталом, – не самостоятельны, не существуют отдельно от процесса производства... поэтому

при капитализме организация «ссудного капитала» подчинена организации «промышленного капитала», то есть, капитала, непосредственно помещенного в производство, а также подчинена накоплению, источник которого в капиталистическом производстве» [3]. К сожалению, такие фундаментальные теоретические положения в современной высшей школе уже не дают.

Возникновение монополии и в банковском секторе экономики и в промышленном привели к существенному изменению отношений между ними. Прежде всего, значительно обострилась конкуренция между ними. Сосредоточив в своих руках громадные объемы свободных денежных средств, банки, облегчая или затрудняя получение столь необходимых кредитов, оказывают непосредственное и прямое влияние на экономическую деятельность промышленных монополий. Ведя счета последних, банковские монополии тихой сапой проникают и внедряются в среду промышленных монополий, становятся их совладельцами. Происходит сращивание банковского капитала с промышленным, а банки, таким образом, начинают играть новую роль – производственную.

Ожесточенная, агрессивная конкуренция со стороны банков заставляет промышленные монополии принять ответные меры: они укрепляют связи с банками, скупают их акции, постепенно входят в советы директоров и правления банков, вкладывают свои капиталы в банковскую сферу, наконец, создают свои собственные банки, частные («Морган гарантис траст») или акционерные («Сити групп»), составляя конкуренцию банкам в их среде. Таким образом процессы сращивания промышленного капитала с банковским ускоряются, поскольку являются обоюдными, осуществляются активно с обеих сторон, умножая формы и виды взаимного проникновения. Естественно, происходит закономерное переплетение интересов промышленных и банковских капиталистов.

Если исходить из правильного представления о том, что финансовый капитал – это слияние промышленного и денежного капитала в его разных ликвидных формах, – пишет А. Пезенти (итальянский экономист), – то довольно трудно решить, преобладает ли сейчас в финансовом капитале денежный (банковский) или промышленный капитал. Оба они переплетаются, сливаются и даже физически представлены одними и теми же людьми: личные связи закрепляют объективный факт.

...Более того, «финансовой» становится вся хозяйственная деятельность при капитализме в фазе империализма. ... Этот факт признается сейчас всей экономической литературой, даже в США [4].

Однако главное и самое существенное в этом процессе заключается в возникновении новой формы капитала – финансового. «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью – вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия... финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с монополистическим банковским капиталом» [2].

Необходимо обратить внимание на одну важнейшую особенность возникшего финансового капитала. Он не простая сумма двух слившихся видов капитала. В результате их сращивания возникает кумулятивный (накопленный) и синергетический (умноженный) эффект. По принципу – два

плюс два равняется пяти. Экономическая мощь и разнообразие господства финансового капитала значительно сильнее и глубже, эффективнее и многообразнее, их господство в экономике ярче выражено, чем ранее, когда они действовали в различных сферах в виде двух относительно самостоятельных форм капитала.

Такой относительно длинный исторический экскурс в теорию империализма необходим был автору затем, чтобы подчеркнуть – все многообразие сегодняшнего развития является закономерным результатом прошлого. Существуют классические экономические теории, которые потому называются классическими, что они в своих основных постулатах остаются верными, правильными в течение веков. Историческая практика лишь подтверждает их объективность и верность, непреходящую теоретическую ценность (ср. классическая музыка, живопись, литература, естественно – классическая политическая экономия А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса). Такой классикой, всеми признанной, за исключением ее идеологической составляющей, является теория империализма В.И. Ленина.

Современная российская экономика, находящаяся в переходном состоянии, не является исключением, формально в ней присутствуют все признаки империализма. Экономисты, подтверждая эту идею, чаще всего апеллируют именно к наличию в российской экономике финансового капитала. Сложно не согласиться с ними, особенно когда красочно расписываются в СМИ и похождения (негатив) и меценатство (позитив) то одного, то другого олигарха. Логика железная: раз есть финансовые олигархи – есть и их материальная основа – финансовый капитал. Автору данной работы представляется, что картина сильно приукрашена и желаемое выдается за действительное. Очевидно смещение и искажение понятия «финансовый капитал».

Либерализация цен и совершенно непродуманная законодательно приватизация в начале 90-х гг. XX века при недопустимой для общественных преобразований скорости, получившие хлесткое название «шоковой терапии», привели к совершенно неожиданному, на первый взгляд, экономическому результату. Вместо того чтобы каждый гражданин России стал собственником (основная цель приватизации), ими стало весьма ограниченное число граждан, в основном своем количестве относящихся к административно-хозяйственному (партийная и исполнительная формы власти) аппарату. Вскоре приватизация перешла в открытое расхищение государственной собственности. Делился ведь гигантский общественный пирог – национальное богатство второй тогда в мире по экономической мощи страны. С одной стороны, выраженное в деньгах это общественное богатство в процессе приватизации и разгосударствления в кратчайшие сроки перетекло (в соответствии с действием экономических законов) из первичного (аграрного) и вторичного (промышленного) секторов экономики в третичную сферу – сферу услуг, куда относится и банковский сектор, торговля, собственно услуги. То есть туда, где оборот капитала совершается значительно быстрее и где можно заработать относительно легкие деньги.

Этому процессу способствовало и кейнсианское предпочтение ликвидности, которое приобрело в условиях плановой экономики патологический характер и внезапно, в один момент вырвавшийся на свободу.

С другой стороны, единый народнохозяйственный комплекс, создававшийся в СССР все послевоенное время и который должен был на задумке работать как часы, как один единый комплекс, во мгновение ока был приватизирован, породив в реформируемой России всесильных монополистов. Иначе говоря, новая рыночная экономика России родилась с родимыми пятнами плановой системы – монополиями. Их роль и значение в экономике значительно усилились, так как если в плановой системе они были государственными и жестко регулировались, то в новой системе они стали частными или акционерными и получили полную свободу, перешедшую в простую анархию.

Появились и свои олигархи, число которых стремительно растет. Однако между нашими олигархами и западными существует принципиальная разница. Если западные олигархи к своему нынешнему состоянию шли долгие годы, а то и поколения в условиях жесточайшей конкуренции, а следовательно, являются настоящими предпринимателями и знают цену своим состояниям, каждому центу или доллару, то наши олигархи стали таковыми во мгновение ока по меркам истории. Гигантские состояния в буквальном смысле слова свалились им на головы. Не испытав головокружительных вывертов конкурентной борьбы, ибо изначально они «родились» как монополисты, они не знают цену своим состояниям. Более того, они просто не представляют, что с этими состояниями делать, а следовательно, они не являются предпринимателями. Отсюда, один олигарх покупает уже седьмую яхту и приценивается к восьмой, другой вколачивает 200 млн долл. в занявший последнее место баскетбольный клуб США. Умеют зарабатывать – не умеют тратить. А эти два процесса одинаково важны. О том что в российской экономике остро не хватает инвестиций в реальный сектор, особенно в новые технологии, они знают, но рисковать не просто не хотят, – не умеют! Тем самым подталкивают российскую экономику в сторону развития сырьевых и энергетических отраслей. Торговля, пищевая промышленность, в целом сфера услуг процветают. В экономике возникает определенный регресс, который в экономической литературе называют «технологической деградацией».

Основной причиной такого положения в экономике России является инвестиционный голод в ее реальном секторе. Абсурд – инвестиционный голод в экономике, которая буквально тонет в изобилии денег. Однако инвестиции в российскую экономику все же осуществляются триллионами рублей. Но, очевидно, не все инвестиции имеют одинаковый социально-экономический эффект. Поэтому важно разграничение всей совокупности инвестиций по критерию их направленности. Иначе говоря, по их целевой функции.

Громадное большинство инвестиций в России направлено на получение «ренды». Очень важно отметить, что получение ренты в основном связано с перераспределительной функцией государства. То есть экономические агенты ищут возможность заключить сделку с государством с целью извлечения выгоды – ищут способы получения «ренды». Надо заметить, что эта «рента» ничего общего с земельной рентой не имеет. Ибо первая рента является результатом политических махинаций, в то время как вторая – результат экономической деятельности в сельском хозяйстве.

Чтобы иметь такую возможность – получить «ренту» – надо включиться в целевые программы, давать «откаты», потратиться на «лоббирование». Такая деятельность олигархов (неважно банковских или промышленных) связана с ограничением конкуренции и, естественно, с получением монопольной прибыли. Но самое главное в том, что эта деятельность связана с перераспределительной функцией государства и в принципе не связана с созданием реального богатства. Но поскольку деятельность, направленная на получение «ренты», требует осуществить соответствующие затраты, монополии – и те и другие – приносят обществу чистый ущерб, убыток. Иначе говоря, рентоориентированный сектор российской экономики растет и развивается значительно быстрее, а следовательно, отвлекает на себя все большую часть инвестиционных ресурсов страны. Соответственно инвестиционный голод в реальном секторе растет, так как все большая часть инвестиционных ресурсов отвлекается от него.

Об этом же свидетельствует такой косвенный, на первый взгляд, показатель инвестиционного развития российской экономики, как структура активов российских коммерческих банков. Они формировались в 90-е годы прошлого века, когда государство и обнищавшее население выступали в качестве финансовых доноров рентоискателей – банковских структур. В то время они без труда получали государственные трансферты в финансовой сфере, столь же легко им доставались кредиты от Центробанка, не говоря уже об обслуживании государственных финансов, кредитовании безрисковых правительственных программ, а также принятии вкладов у населения по отрицательной ставке процента. Банки особенно стали наживаться на ГКО – этом грандиозном источнике «ренты».

Если к этому добавить исключительное развитие потребительского кредита, обслуживание пластиковых карт, денежных переводов, различных платежей – заработной платы, пенсий, коммерческих услуг и т.д., то станет очевидным, что банки меньше всего ориентированы на финансирование реального сектора.

В то же время относительный экономический рост реального сектора за счет собственных усилий умножает финансовые ресурсы для банковского сектора. В этом же направлении работают сырьевые отрасли и топливно-энергетический комплекс. Безусловно, все это усиливает отток финансовых ресурсов в сферу политических инвестиций, так как поиск «ренты» выступает как преобладающая бизнес-стратегия [5]. Эта тенденция в российской экономике особенно ярко проявилась в условиях мирового финансового кризиса.

Мировой финансовый и экономический кризис заставил государства Большой двадцатки принимать как коллективные меры по преодолению кризиса, так и индивидуальные. Одно из наиболее популярных решений в указанной группе стран в соответствии с идеями кейнсианства – снижение ставки рефинансирования. В Германии и Франции она составила 0,5 %, в Англии – 1 %. В Японии она и вовсе опустилась до нулевой отметки. В России учетная ставка выросла с 13 до 16 %, сделав в самый экономически критический момент кредиты недоступными для предприятий. Государственная финансовая помощь в объеме 500 млрд руб. стала достоянием не более чем 10 особо избранных банков, которые тут же потратили их на валютные

спекуляции, по существу не выдав ни одного кредита в реальный сектор. И только через год после начала кризиса медленно, шаг за шагом, учетная ставка опустилась в России до 7,25 %.

Перекося в экономическом развитии России в пользу банковского сектора подтверждается и существованием особой группы «банков развития»: Внешторгбанк, ВТБ, Сбербанк, Россельхозбанк и т.д. Характерной особенностью этих банков является их неподчиненность каким-либо государственным структурам. В силу их непотопляемости из-за мощной государственной поддержки указанные банки оказываются в особо привилегированных условиях, получая исключительные конкурентные преимущества. Тем самым наносится огромный вред развитию конкурентности рынков самого банковского капитала.

В силу неподотчетности деятельности указанных «банков развития», лоббирования и защиты интересов особых политических групп возникает большая и все усиливающаяся опасность использования государственных средств в политических целях отдельных политических и экономических групп.

Такие тенденции развития банковского капитала в России сформировали уникальные за всю историю его развития особенности: банковский капитал развивается значительно быстрее, чем промышленный и второе – кредитный рынок России значительно превосходит по уровню развития ее социально-экономическое развитие.

Известно, что ссудный процент и его составляющий элемент – банковский – является определенным критерием эффективности, своего рода ориентиром, для промышленных и иных капиталистов при осуществлении инвестиций. Если возможная прибыль в той или иной отрасли будет выше, чем прибыль в банковской сфере (банковский процент), то они будут вкладывать деньги в данную отрасль. Если же наоборот, то они спокойно кладут деньги в банк, который им обеспечит прибыль по вкладам. Если же возможная прибыль равна банковскому проценту, значит, на рынке господствует свободная межотраслевая конкуренция в чистом виде.

В течение всего реформенного времени в России ссудный процент устойчиво превышает уровень рентабельности реального сектора, которая оказывается даже ниже ставки рефинансирования. При этом такая ситуация усугубляется со временем. Перекося рентабельности в пользу банков усиливается и приобретает чудовищные масштабы. Так, например, рентабельность капитала в банковском секторе с 2003 по 2008 г. (период наиболее благоприятного экономического развития России) возросла с 18 до 26,4 %, а рентабельность реального сектора – с 2,6 до 3,2 % [6], но самое главное здесь то, что и в 2003 г., и в 2008 г. рентабельность банковского сектора была в 8 раз выше. Сегодня в условиях угрозы нового экономического кризиса эта тенденция усиливается – обостряются и противоречия между реальным и банковским секторами, темп роста реального сектора вместо ожидаемых 4,2 % составил 3,8 %, а рентабельность банковского сектора возросла.

Таким образом, если современная российская экономика обеспечивает банковскому капиталу более высокую прибыль, то, во-первых, в экономике отсутствует свободная межотраслевая конкуренция, а стало быть, меха-

низм образования средней прибыли не работает; во-вторых, в российской экономике господствуют монополии, преимущественно банковские, которые блокируют механизм действия межотраслевой конкуренции; в-третьих, и это естественно, продолжается регулярная откачка средств из реального сектора в банковский.

Однако главный вывод заключается в том, что при таком соотношении рентабельности банковского и реального секторов эффективное развитие экономики просто невозможно, ибо материальная основа эффективного развития – реальный сектор – угнетается. А о перспективах модернизации российской экономики придется забыть, если положение с межотраслевой конкуренцией не изменится. Заметив это, О. Сухарев пишет: «...разрыв между процентом и рентабельностью реальных секторов представляется институциональной проблемой, решение которой возможно только при реструктуризации банковской системы, так чтобы понизить процент под реальную рентабельность, а также настроить банковский сектор под потребность реальных секторов экономики» [6].

Необходимо отметить, что такая диспропорция в рентабельности различных секторов экономики в целом не свойственна рыночной экономике и именно по причине защиты государством конкуренции в целом, и межотраслевой – в частности. Она также не была свойственна плановой советской экономике, где банковская система изначально обслуживала реальный сектор.

Эту ситуацию с развитием банковского капитала закономерно дополняет выявившийся устойчивый разрыв между уровнями развития кредитной сферы и социально-экономического развития страны. Два аспекта развития осуществляются независимо друг от друга. Так, например, по данным Т.К. Гомановой в 13 регионах страны среднему уровню социального развития соответствует развитая банковская сфера. Еще в пяти регионах низкий уровень социально-экономического развития соответствует развитой банковской сфере. В целом в 37 регионах страны банковская сфера более высоко развита, чем ее реальная материальная база, в том числе и в Новосибирской области [1].

Нельзя не поставить вопрос: почему же кредитная сфера – банки – не выполняет своих прямых функций, не говоря уже о своей прикладной социальной функции?

Ответ мы находим в удивительной истории развития банковского капитала в России в реформенный период.

Как мы уже отмечали выше, исторически промышленный капитал предшествует банковскому, а уровень развития последнего объективно обусловливается развитием первого. Закономерности развития банковского капитала в России нарушены в результате возвратно-поступательного движения рыночных преобразований. Ведь переход к рыночной экономике осуществляется по исторической лестнице назад. Банковский капитал своим стремительным взлетом обязан процессам приватизации и разгосударствления общественной собственности, так или иначе осуществляемых в финансовой форме. Но никоим образом – развитию реального сектора. Кроме того, как уже было сказано, эти громадные ресурсы перетекли в третичную сферу – сферу услуг, куда входит и банковская сфера. Занимая

все более прочные экономические позиции, банковский капитал лишает себя близкой и дальней перспективы в противостоянии с реальным сектором экономики.

Опираясь на экспортные возможности российской экономики, возникший диссонанс между банковским и реальным секторами экономики усиливается. Банковский капитал, развиваясь значительно быстрее промышленного, приходит с ним в противоречие. В итоге вместо слияния и совместного прогресса их развитие идет параллельно. Такая динамика банковского и реального секторов экономически может привести либо к экономическому застою, либо к социально-экономическому взрыву.

Банки не только функционируют во вред реальному сектору, но и не «понимают» своей социальной роли.

Господство банковского капитала очевидно, ибо коммерческие банки только под непосредственным давлением исполнительных органов власти следуют за изменениями ставки рефинансирования.

Между тем в банковском секторе и в национальной экономике в целом происходят изменения глобального характера, носящие совершенно объективный характер. И они касаются не только российской экономики (это особенно очевидно), но и всей мировой:

– Очевидно, что цена на ресурсы во многом, если не в основном, определяет ценообразование на все виды товаров и услуг. В то же время ограниченность их в мировой экономике нарастает, становясь все более очевидной.

– Во всем мире, в том числе и в России, сектор производства ресурсов является самым монополизированным. И это объективная реальность. В мировой экономике и в России легко обнаруживаются 5–6 основных производителей соответствующих ресурсов.

– Отсюда экономически совершенно логично присутствие в ценообразовании на ресурсы сильного спекулятивного элемента. В связи с этим цены на ресурсы практически перестали отражать затраты на их производство. Случайный, политический, спекулятивный (биржевой) факторы играют большую роль, чем издержки производства. Цена на баррель нефти скачет то вверх, то вниз в «ожидании хорошей или плохой статистики» то в одном, то в другом районе мира. Рынок ресурсов все более и более уподобляется фондовым рынкам.

– Финансовые системы охотнее (идя вслед за реальными событиями) обслуживают ресурсные рынки, которые становятся все более прибыльными. Тенденции сращивания банковского капитала с промышленным перманентно трансформируются в союз банковского капитала и капитала, занятого на добыче ресурсов.

– Из предыдущих четырех пунктов объективно следует, что в мировой экономике наблюдается тенденция разрастания финансового рынка, в котором преобладает спекулятивный элемент. Достаточно сказать, что оборот денежной массы в мировой экономике (о России писали выше) в 3–4 раза превышает оборот реального валового продукта. Разрастающийся финансовый пузырь усиливает неустойчивость не только российской, но и мировой экономики. Но если уровень неустойчивости в мировой экономике постепенно эволюционирует в противоречие между финансовым и реальным секторами, то в России она переходит в их противостояние.

– В итоге и в России, и в мировой экономике периодически повторяющиеся кризисы приобретают отчетливую финансовую окраску.

– Естественно, что страны с сырьевой специализацией производства сильнее всех остальных подвержены конъюнктурным колебаниям, а экономические (финансовые) кризисы проходят в них со значительно большими и тяжелыми социально-экономическими последствиями.

Общий вывод в контексте заявленной темы заключается в идее: во-первых, в современной России финансового капитала в классическом его понимании нет. Процессы его образования находятся в зачаточном состоянии. Следовательно, социально-экономическое развитие России не имеет под собой не только реальной экономической, но и реальной социальной основы. Ибо «финансовые капиталисты» или «финансовые олигархи» (это группа всеобщих интересов), отождествляющих государственные интересы со своими и защищающие их одинаково активно. Промышленные и банковские олигархи России являются группами специальных интересов, ставящих свои интересы выше государственных. Если первые заинтересованы в социальном, экономическом и политическом развитии страны, то вторые – только своих сфер господства.

Во-вторых, монополии имеют три ясно очерченных вида проявления: 1) господство монополий, сосредоточивающих в своих руках решающую долю производства и реализации товаров; 2) монопольное владение источниками сырья; 3) установление господства финансовой олигархии в экономической и политической жизни современного общества.

Все три вида проявления монополий в современной России очевидны. Учитывая же тот факт, что в современной российской политической элите широко фигурируют представители банковской и промышленной олигархии (бывший Председатель Правительства РФ В.С. Черномырдин и нынешний премьер-министр РФ В.А. Медведев – бывшие президенты «Газпрома»), а бывший вице-премьер Правительства РФ И. Сечин был одновременно вице-президентом «Роснефти», а после ухода из Правительства стал президентом этой компании. Значительная же часть членов Правительства и Законодательного органа РФ имеют доли в банковском и промышленном секторах экономики, можно утверждать, что в России налицо господство государственно-монополистического капитализма. Неприкрытое, очевидное, зримое.

Отвечая «Да» на поставленный в заголовке вопрос, возникает другой – до каких пор противостояние двух глобальных секторов экономики России будет длиться? Ведь это – реальное противоречие между производительными силами и производственными отношениями, разрешение которого чаще всего носит, к сожалению, разрушительный характер. А это мы уже проходили два раза за двадцатое столетие.

Литература

1. *Гоманова Т.К.* Кредитный рынок как фактор регионального развития // Деньги и кредит. 2009. № 1. С. 60–63.
2. *Ленин В.И.* Полное собр. соч. Т. 27. М.: Изд-во «Полит. литература». С. 344.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 24. С. 65.

4. *Пезенти А.* Очерки политической экономии капитализма. Т. 2. М.: Прогресс, 1976. С. 51–52.
5. Постсоветский институционализм – 2007. Варианты институционального развития России: предпосылки, закономерности, перспективы / Под ред. д.э.н., профессора Р.М. Нуреева. Томск, 2008. С. 24.
6. *Сухарев О.* Диспропорции экономического развития: спекулятивная цена ресурсов и отрыв финансовой системы от производства благ // Инвестиции в России. 2009. № 7. С. 26.

Bibliography

1. *Gomanova T.K.* Kreditnyj rynek kak faktor regional'nogo razvitija // Den'gi i kredit. 2009. № 1. P. 60–63.
2. *Lenin V.I.* Polnoe sobr. soch. T. 27. M.: Izd-vo «Polit. literatura». P. 344.
3. *Marks K., Jengel's F.* Sobranie sochinenij. 2-e izd. T. 24. P. 65.
4. *Pezenti A.* Oчерki politicheskoi jekonomii kapitalizma. T. 2. M.: Progress, 1976. P. 51–52.
5. Postsovetskij institucionalizm – 2007. Varianty institucional'nogo razvitija Rossii: predposylki, zakonomernosti, perspektivy / Pod red. d.э.н., professora R.M. Nureeva. Tomsk, 2008. P. 24.
6. *Suharev O.* Disproporcii jekonomicheskogo razvitija: spekuljativnaja cena resursov i otryv finansovoj sis-temy ot proizvodstva blag // Investicii v Rossii. 2009. № 7. P. 26.